Петросян Э

1984

Интервью в антракте

ВСЮ РАДОСТЬ ОТДАЮ СО СЦЕНЫ

Входя в гримерную, где Евгений Петросян отдыхал после очередного выступления в Красноярске, я был настроен на мажорный, юмористический лад. Ожидал, что с порога на меня обрушатся каскады остроумия, искромётные потоки юмора. Но наш разговор получился серьезнее, чем я предполагал.

— Петросян в жизни сильно отличается от Петросяна на сцене. Это два человека различных жизненных тональностей. Не знаю, насколько я остроумен на эстраде — об этом пусть судят зрители, — но в жизни я острою очень редко. В компании знакомые ждут от меня веселых шуток, смешных анекдотов, но им очень часто приходится разочаровываться.

Вообще всех артистов моего жанра я делю на три категории. Первые очень остроумны и на сцене, и в жизни, но такие встречаются редко. Другие остроумны на сцене, но откровенно скучны в жизни — таких большинство. И третьи не смешны ни там, ни там.

— И к какой категории вы относите себя?

— Во всяком случае не к первой. Всю радость, которая у меня есть в жизни, я отдаю со сцены. Для себя не остается почти ничего.

— Евгений Ваганович, как вы нашли друг друга? Вы и ваша профессия...

— Об эстраде я начал мечтать лет с семи и другого пути для себя не представлял. В 1962 году закончил Московскую эстрадную школу. Два года работал конферансье в оркестре Леонида Осиповича Утесова, а с 1966 года выступаю самостоятельно.

— Кто помогал вам делать первые шаги на эстраде!

— Моими учителями были Р. Зеленая, М. Миронова, первый советский конферансье А. Алексеев. Этих людей, которые научили меня основам своего искусства, помогали делать на сцене первые шаги, я вспоминаю с огромным уважением и благодарностью.

— Вас называют артистом «райкинской» школы. Насколько это верно!

— Я никогда не был учеником Аркадия Райкина, но считаю его своим заочным учителем. Райкин создал свою сценическую школу, традициям которой сегодня верны многие исполнители. Достичь в работе такого мастерства, которого достиг Райкин, — заветная мечта каждого артиста.

— У каждого артиста своя творческая кухня... Как проходит работа над номером, кто вам помогает!

— Прежде всего хочу подчеркнуть то, о чем многие зрители забывают: за каждым артистом, за каждым номером стоит автор. И если мы повторяем то, что говорил Райкин или Хазанов, не нужно забывать, что это сочиняли не они, а авторы их монологов, имена которых зрители зачастую даже не знают. Любой монолог, любая миниатюра является плодом совместной работы автора и исполнителя.

— Если «на душе кошки скребут», если чувствуешь, что не сможешь играть с полной отдачей, лучше вообще отказаться от выступления. Но если уж вышел на сцену — будь добр, играй так, чтобы зритель ничего не заметил. На сцене артист не имеет права на выражение собственных эмоций. Плохо тебе или хорошо, ты должен жить только мыслями и поступками своего персонажа. Именно в этом, по-моему, и заключается профессионализм актера — не дать зрителю почувствовать то, что чувствуешь лично ты.

Как правило, первый вариант никогда не получает поддержку в жизни. Отталкиваясь от зрительской реакции, мы с автором переделываем номер иногда по 7—8 раз, пока не находим оптимальный, наилучший вариант «приема». В некоторых монологах после такой «правки» не остается ни одной фразы первоначального текста.

— Как правило, первый вариант никогда не получает поддержку в жизни. Отталкиваясь от зрительской реакции, мы с автором переделываем номер иногда по 7—8 раз, пока не находим оптимальный, наилучший вариант «приема». В некоторых монологах после такой «правки» не остается ни одной фразы первоначального текста.

— Бывают такие ситуации, когда у вас мрачное настроение, а вам нужно выходить на сцену, рассказывать что-то веселое, смешное! Как вы поступаете в таких случаях!

— Если «на душе кошки скребут», если чувствуешь, что не сможешь играть с полной отдачей, лучше вообще отказаться от выступления. Но если уж вышел на сцену — будь добр, играй так, чтобы зритель ничего не заметил. На сцене артист не имеет права на выражение собственных эмоций. Плохо тебе или хорошо, ты должен жить только мыслями и поступками своего персонажа. Именно в этом, по-моему, и заключается профессионализм актера — не дать зрителю почувствовать то, что чувствуешь лично ты.

— Как правило, первый вариант никогда не получает поддержку в жизни. Отталкиваясь от зрительской реакции, мы с автором переделываем номер иногда по 7—8 раз, пока не находим оптимальный, наилучший вариант «приема». В некоторых монологах после такой «правки» не остается ни одной фразы первоначального текста.

— Не равнодушие к работе, к друзьям, ко всему, что происходит вокруг. Очень ценю увлеченность, настоящий профессионализм.

— Неравнодушие к работе, к друзьям, ко всему, что происходит вокруг. Очень ценю увлеченность, настоящий профессионализм.

— Над чем вы сейчас работаете!

— Над чем вы сейчас работаете!

— Нынешний сезон выдался для меня очень сложным. Я учусь на режиссерском факультете ГИТИСа, приходится сдавать уйму экзаменов.

Много времени отнимает подготовка новой, следующей после «Доброе слово и кошечка приятно» программы. На телевидении работаю над фильмом, в котором будут собраны мои монологи разных лет. Как видите, не расстаюсь и с поездками. От гастролей в Красноярске я получил большое удовлетворение. Надеюсь еще не раз встретиться с гостеприимным и остроумным красноярским зрителем.

Вел беседу С. ФЕДОРЧЕНКО.

1984 ЮН Э
Красноярский рабочий
г. Красноярск